

Джеффри Робертс,
профессор истории Ирландского
национального университета КОРК,
член Королевского
исторического общества,
старший научный сотрудник
Нобелевского института

***Черчилль, Рузвельт и Сталин:
Роль личного фактора в успехах и неудачах Великого Альянса***

Введение

Часто говорят, что Великий Альянс был вынужден существовать в противостоянии Гитлеру и развалился, как только нацистская Германия потерпела поражение. Но ни формирование Великого Альянса, ни его распад не был неизбежен. Оба были результатом личного выбора, сделанного руководителями альянса. Без Черчилля, Рузвельта и Сталина не было бы Великого антигитлеровского альянса в том смысле, в каком мы воспринимаем этот термин сегодня.⁶¹

Гитлер представлял страшную угрозу существованию Британии и Советского Союза, а для США – перспективу вечного конфликта. Британия были в состоянии войны с Германией с сентября 1939 года и неудивительно, что три государства образовали военную коалицию, когда Гитлер напал на Советский Союз в июне 1941 года, а затем, в декабре, объявил войну США. Но Великий Альянс, образовавшийся в ходе войны, был гораздо большим, нежели военная коалиция, сформированная из соображений выгоды; это были далеко идущие политические, экономические и идеологические сотрудничество. В основе этого сотрудничества лежали личные роли, перспективы и взаимодействие глав трех государств. Без личного союза Черчилля, Рузвельта и Сталина - большой тройки, как их называли

⁶¹ «Великий Альянс» - термин, который обычно используется на западе, чтобы описать антигитлеровскую коалицию Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов. Популярность термина происходит от его использования Уинстоном Черчиллем в своих воспоминаниях о Второй мировой войне, опубликованных в конце 1940-х годов. Для Черчилля это было возрождением понятия, которое он использовал в конце 1930-х, когда был сторонником Великого антигитлеровского альянса Англии, Франции и СССР.

во время войны – Великий Альянс был бы мертворожденным или рухнул бы под давлением противоречий и вызовов. Именно большая тройка, которая обеспечила выживание англо-американо-советской коалиции во время первых трудных лет войны, а затем начавшая формировать видение мирного времени, Великий Альянс положил свое существование на обеспечение мира и безопасности всех государств.

Крах Великого Альянса после Второй мировой войны был результатом провала послевоенного курса тройки лидеров – Сталина, Трумэна и Эттли, которые не смогли продолжить сотрудничество своих военных предшественников. Следует признать, что контекст послевоенных отношений был в некоторой степени сложнее, чем во время войны, но эти проблемы не являлись непреодолимыми. Основным разногласием явилось отсутствие доброй воли на высшем уровне альянса и отказ его рассмотреть возможности решения конфликта и согласования мирных интересов, как это было во время войны.

Началом конца Великого Альянса стало не поражение Гитлера, а смерть президента Рузвельта в апреле 1945 года. Если бы Рузвельт закончил свой четвертый срок полномочий, перспективы Великого Альянса были бы более оптимистичными. Именно Рузвельт сдерживал жесткий курс правительства США, которое хотело занять более жесткую позицию в переговорах с Советами. Его преемник, Трумэн, гораздо охотнее Рузвельта прислушивался к их мнению.⁶² Результатом были резкие слова и растущие подозрения с обеих сторон. Одним из первых примеров такого жесткого разговора были первые встречи министра иностранных дел СССР Вячеслава Молотова с президентом Гарри Трумэном в апреле 1945 года. Важность этой знаменитой встречи была сильно преувеличена, не в последнюю очередь Трумэном, который в своих мемуарах вспоминал, что в конце его разговора с Молотовым советский дипломат пожаловался, что с ним в жизни никогда так не разговаривали. «Выполняйте соглашения, и разговор будет другой», – ответил Трумэн. Яблоком раздора в споре послужил политический состав польского правительства и, конечно, в ходе переговоров имели место жесткие высказывания. Однако Молотов, который смог выдержать театральность Гитлера в Берлине в ноябре 1940 года, вряд ли смог прибегнуть к замечаниям такого рода. Этого и не было зарегистрировано ни в американских, ни в советских докладах о встрече. Кроме того, спор по вопросу Польши вскоре был урегулирован. Но тон, в котором шли первые переговоры Молотова и Трумэна, был предвестником грядущего холодной войны.⁶³

⁶² Д.С. Клеменс, «От войны к холодной войне: Роль Гарримана, Дина и Объединенного комитета начальников штабов в изменении курса сотрудничества с Советским Союзом, апрель 1945 года». Обзор мировой истории, XIV, май 1992.

⁶³ см. Дж. Робертс, «Подогрев холодной войны: Новые данные о переговорах Молотова и Трумэна в апреле 1945», Холодная История войны, том 4, № 3, апрель 2004.

Рузвельт и Сталин питали друг к другу высшей степени взаимоуважение. Когда стало известно о смерти Рузвельта, Сталин выразил искреннее сострадание, что было редкостью для него. Отношения Сталина с Черчиллем были более неустойчивыми: британский премьер был непостоянной личностью с сомнительной ролью в истории воинствующего антибольшевизма. Тем не менее с точки зрения внешней политики, Сталин хотел, чтобы консервативный Черчилль победил на Британских всеобщих выборах в 1945 г., и был потрясен, когда он проиграл и не вернулся на Потсдамскую конференцию. Сталин публично столкнулся с Черчиллем после его речи на тему «железного занавеса» в Фултоне, Миссури в марте 1946 года, но при этом они оба никогда не теряли симпатии, которую испытывали по отношению друг к другу со времен войны. В январе 1947 г. Сталин сказал фельдмаршалу Монтгомери, что «у него навсегда остались самые счастливые воспоминания о работе с ... великим военачальником Британии», на что Черчилль ответил: «[ваша] жизнь дорога не только вашей стране, которую вы спасли, но и дружбе между советской Россией и англоговорящим миром».⁶⁴

Происхождение, личности, политический курс, стиль руководства и методы работы Черчилля, Рузвельта и Сталина были очень разные. Но у них была одна важная общая черта: они имели огромный политический опыт и придавали большое значение личным отношениям. Фрэнк Костиглиола утверждал: «Рузвельт, Черчилль и, возможно, в меньшей степени, Сталин сходились в убеждении, что отношения, чувства, язык и манера поведения государственных деятелей в ходе личных встреч могли раскрыть сокровенные мысли и конечные намерения ... даже язвительность могла указать на природу разногласий... Несмотря на различия в их личных особенностях, каждый из трех лидеров разработал уверенность в своих межличностных навыках. Талант Рузвельта очаровывать коварными маневрами подпитывал его на пути к президентству. Черчилль мог обычно смести все вокруг своей риторикой, а Сталин был обаятельным хитрецом и мастером споров».⁶⁵

Реакция большой тройки на кризис и проблемы войны были в целом аналогичны: каждый облачался в мантию главнокомандующего, тем самым централизуя военные силы, а также принимая политические решения на уровне руководства. Это имело решающее значение для их способности формировать характер и контролировать направление курса Великого Альянса.⁶⁶

Будучи Верховным Главнокомандующим, Сталин был самым активным из трех в разработке военной стратегии и направлении боёв и опера-

⁶⁴ Черчилль и Сталин: Документы из британских архивов, FCO: Лондон 2002, 77-78.

⁶⁵ Ф. Костиглиола, Потерянные Альянсы Рузвельта: Как Личные Счеты Помогли Начать Холодную войну, Princeton University Press: Princeton 2012, стр. 98.

⁶⁶ см. Р. Овери, «Почему союзники победили», Джонатан Кейп: London 1995, глава 8.

ций. Сталин был главой Ставки (штаб-квартира Верховного Главнокомандования), наркомом обороны и председателем Государственного Комитета Обороны. Он подписал все важнейшие военные директивы и командные решения. Главнокомандующий британскими вооруженными силами был король Георг VI, но Черчилль был министром обороны, а также премьер-министром, игравшим весомую роль в определении военной стратегии. Он также был крайне заинтересован во многих деталях военных действий. Рузвельт был американский главнокомандующий и он осуществлял свое влияние через Объединенный комитет начальников штабов под председательством его личного представителя, адмирала Лихи. Также важными для умения Рузвельта контролировать военное дело были его тесные рабочие отношения с начальником штаба, генералом Джорджем Маршаллом. У Черчилля были аналогичные отношения с фельдмаршалом Аланом Бруком, главой имперского генерального штаба. Самыми близкими военными советниками Сталина были его заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков и начальники генштаба Красной Армии во время войны, а именно: Борис Шапошников, Александр Василевский и Алексей Антонов.⁶⁷

В политической сфере Большая тройка доверяла приближенным, которые представляли их в самых важных и конфиденциальных переговорах и действовали в качестве суб-архитекторов Великого Альянса. Молотов готовил переписку Сталина с Черчиллем и Рузвельтом, выполнял важные дипломатические миссии в стране и за рубежом, и выступал в качестве его заместителя в переговорах тет-а-тет с англичанами и американцами. Сталин нечасто встречался с иностранцами без Молотова.⁶⁸

Гарри Хопкинс был главным дипломатическим советником Рузвельта и его личным посланником в решающих встречах Черчилля и Сталина. Еще одной важной фигурой был Аверелл Гарриман, координатор Рузвельта по ленд-лизу в Лондоне и, с октября 1943 года, посол США в Москве. Черчилль, как правило, держал свой собственный совет и предпочитал его работу дипломатии, которая велась через посредников. Во время войны он проехал более 100 000 миль, встретившись 11 раз с Рузвельтом, дважды со Сталиным, а также присутствовал на Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях. Министром иностранных дел Черчилля был Энтони Иден, с которыми он имел давние связи, в том числе и в качестве со-

⁶⁷ см. Дж. Робертс, «Сталинский маршал Георгий Жуков», АСТ: Москва 2013).

⁶⁸ О роли Молотова см. Дж. Робертс, «Вячеслав Молотов, Сталинский Рыцарь холодной войны», АСТ: Москва 2014. О подготовке переписки Сталина с Черчиллем и Рузвельтом см. различные труды В.О. Печатнова: «Как Сталин и Молотов писали Черчиллю», Россия в глобальной политике, том 7, № 3, июль-сентябрь 2009 года; «Как Сталин писал Рузвельту», Источник, № 6, 1999; и «Сталин-Рузвельт-Черчилль: Большая тройка через призму переписки военных лет», Вестник МГИМО-университета, № 5, 2009.

юзников в борьбе против англо-французской политики умиротворения в 1930-е годы. Именно Иден встретил Сталина в декабре 1941 года, когда имел место первый разговор с советским лидером о перспективах послевоенного устройства мира. На протяжении всей войны Иден проводил детальные переговоры с советскими и американскими коллегами, в первую очередь на Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 года.⁶⁹

Порой отношения Идена с боссом были колкими, но он был незаменим для Черчилля так же, как Хопкинс был незаменим для Рузвельта, а Молотов – Сталину.

Было еще что-то, что объединяло Черчилля, Рузвельта и Сталина: все они верили в роль великого человека истории и считали себя вестниками судьбы, признанными сохранить свои страны от катастрофы. Гитлер был о себе такого же мнения, но, в отличие от него, большая тройка не представляла собой эго- или мегало-маньяков, коим являлся нацистский диктатор. Они были готовы разделить друг с другом центр исторического внимания. Такая снисходительность была необходима для гармоничных отношений, которые развивались между ними в дальнейшем ходе войны. Таким образом, начальные трудности Великого Альянса были преодолены.

Формирование Великого Альянса

Первый вызов будущему Великому Альянсу был брошен, когда Гитлер вторгся в Советский Союз 22 июня 1941 года. В тот же день в ходе радиотрансляции Черчилль пообещал оказать однозначную поддержку СССР в борьбе с Гитлером. «Русская опасность – наша опасность», сказал он своим слушателям. В конце июня британская военная миссия прибыла в Москву. Восьмого июля Черчилль направил Сталину личное послание, в котором говорилось, что Великобритания окажет Советскому Союзу столько помощи, сколько будет возможным. Это было первым письмом из 500 сообщений, составляющих их переписку со Сталиным во время войны.⁷⁰ К 12 июля Великобритания и Советский Союз подписали соглашение о совместных действиях в войне против Германии и пообещали, что ни одна из сторон не будет проводить сепаратные переговоры с Гитлером о перемирии или заключении мирного договора.

Хотя и было предсказуемо, что Великобритания сделает все, чтобы подогреть советское сопротивление Гитлеру, публичный энтузиазм Черчил-

⁶⁹ В союзных дипломатических кругах термин Большая тройка получила распространение как способ разграничения трех глав государств и трех министров иностранных дел.

⁷⁰ Переписка Сталина с Черчиллем, Эттли, Рузвельтом и Трумэнном, 1941-45, т. 1, Lawrence & Wishart: London 1958, стр. 11.

ля в вопросе союза со Сталиным вызывал немалое удивление. И это после длительной истории антагонизма в англо-советских отношениях, которая восходит еще к вмешательству Великобритании в Российскую гражданскую войну. В 1920-е Великобритания и Советский Союз вели то, что некоторые историки называют ранней холодной войной⁷¹. В 1930-е годы советские усилия по содействию коллективной безопасности против нацистской Германии были загнаны в угол британскими потаканиями Гитлеру. Когда тройные переговоры Советского Союза с Англией и Францией оказались слишком проблематичными в 1939 г., Сталин обратился к возможности сделки с Гитлером. Под эгидой советско-германского пакта 1939-1941 гг. проходило обширное немецко-советское сотрудничество, которое косвенно способствовало войне Гитлера на западе.

Черчилль выступал против британского попустительства политике Гитлера – факт, сформировавший в советских глазах его положительный образ – и приветствовал советскую оккупацию восточных территорий Польши (Западной Белоруссии и Западной Украины), утверждая, что это было многим лучше немецкой оккупации. Тем не менее во время советско-финской войны 1939-1940 годов, Черчилль был горячим сторонником союзной экспедиции с целью оказать помощь пораженным финнам. Такие действия, по всей вероятности, привели бы к советско-западной войне в Скандинавии. К счастью, советско-финское перемирие было подписано прежде, чем экспедиция была начата. После того как Черчилль стал премьер-министром в мае 1940, он пытался проложить трещину в отношениях Сталина и Гитлера, но безрезультатно. До того, как идея мирных отношений с Германией претерпела крах, Сталин решительно держался на расстоянии от Великобритании.⁷²

Черчилль стремился поощрять и поддерживать борьбу против Гитлера, но он был настроен скептически в отношении возможности Советского Союза пережить натиск Германии. Как и большинство его советников, он не хотел направлять СССР слишком много помощи, опасаясь, что это будет впустую или она окажется захвачена немцами. Но точка зрения Черчилля изменилась после того, как он стал свидетелем непоколебимого советского сопротивления, и он начал активно поддерживать идею оказания помощи Советскому Союзу.⁷³

⁷¹ см. М. Карли, «Безмолвная борьба: Скрытая история ранних советско-западных отношений», Rowman and Littlefield: Lanham MD 2014.

⁷² см. Дж. Робертс, «Черчилль и Сталин: эпизоды англо-советских отношений» (Сентябрь 1939 - июнь 1941 г.) Под редакцией А.О. Чубаряна, «Война и политика, 1939-1941», Москва 1995.

⁷³ Об ответе Черчилля на немецкое вторжение в Советский Союз: М. Фолли, «Черчилль, Уайтхолл и Советский Союз, 1940-45», Macmillan: Лондон 2000 гл. 2; Д. Карлтон, «Черчилль и Советский Союз», Manchester University Press: Манчестер 2000 гл. 5; и Г. Городецкий, «Истоки холодной войны: Сталин, Черчилль и формирование Велико-го Альянса», Российский обзор, т. 47, 1988.

Рузвельт тоже был окружен советниками, которые думали, что летом 1941 г. немцы одержат победу над СССР. Тем не менее уже 24-25 июня он объявил, что его администрация готова предоставить помощь Советскому Союзу и постановил, что Закон о нейтралитете не лишает Советские возможности закупать военное снаряжение в Соединенных Штатах. Важно отметить, что в конце июля Рузвельт направил доверенное лицо, советника Гарри Хопкинса в Москву. В ходе встреч со Сталиным Хопкинс пообещал американскую помощь и спросил о конкретных требованиях Советского Союза. На протяжении всей войны Рузвельт проводит последовательную беспристрастную политику в оказании помощи Советскому Союзу. Поскольку Советский Союз брал на себя все боевые действия, он заслуживал столько военной помощи, сколько мог получить, и Рузвельт сопротивлялся давлению, отказываясь связывать эту помощь с политическими или иными уступками со стороны Советов. С точки зрения Рузвельта не было никакого способа выстроить отношения со Сталиным или обеспечить долгосрочный советско-американский альянс.⁷⁴

После возвращения Хопкинса из России, Черчилль и Рузвельт направили Сталину совместное послание с предложением провести в Москве конференцию для обсуждения союзнических поставок в СССР.⁷⁵ Это произошло в конце сентября. Гарриман представлял Рузвельта, а министр авиационной промышленности Бивербрук, будучи решительным сторонником помощи России, представлял Черчилля. Результатом конференции стало подписание подробного соглашения о поставках помощи, встреченное громким приветствием в советской прессе.

На конференции с Бивербруком и Гарриманом Сталин поставил вопрос о послевоенном сотрудничестве и преследовал эту тему в последующей переписке с Черчиллем. К концу декабря Иден вылетел в Москву. Он не ожидал ничего большего, чем обмен мнениями и также прогресс по заключению англо-советского договора о союзе в военное время, но был встречен более радикальным предложением. Сталин хотел заключить два соглашения с англичанами: соглашение военное и соглашение об урегулировании послевоенных проблем. Ко второму соглашению добавился бы секретный протокол о реорганизации европейских границ после войны. Ядром секретного протокола было предложение организовать в Европе послевоенный военный альянс для защиты мира, с размещением советских военных баз в Румынии и Финляндии и британских военных баз в Западной Европе. Это было довольно мягкое соглашение о разделе сфер влияния по сравнению со сделками, запланированными Сталиным и Гитлером, но оно продемонстрировало амбиции, которые Сталин имел по отно-

⁷⁴ см. М. Гланц, «Фракин Рузвельт и Советский Союз: борьба президента на внешнеполитической арене», University Press of Kansas: Lawrence, штат Канзас 2005.

⁷⁵ Переписка И.В. Сталина, стр.17-18.

шению к Великому Альянсу даже на этом раннем этапе войны. Но Иден и, в частности, Черчилль, не были готовы вступить в такие переговоры.⁷⁶

Одной из причин спешки Сталина в сделке с англичанами было то, что Соединенные Штаты официально вступили в войну после нападения японцев на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года. То, что с того момента Соединенные Штаты стали целиком вовлечены в войну, имело огромную важность в военном отношении, но также осложняло политические переговоры, так как американцы были против соглашения о разделе сферы влияния и любых территориальных изменений в преддверии мирной конференции.

Вступление США в войну поднял вопрос о том, ответит ли Советский Союз взаимностью на американскую помощь, вступив в войну с Японией на Дальнем Востоке. Сталин был готов участвовать, но вести войну против Японии до разгрома Гитлера не было практической возможности. Несмотря на внутривнутриполитические осложнения, Рузвельт принял решение Сталина, и не в последнюю очередь, потому что Германия, с его точки зрения, представляла большую угрозу, чем Япония.

Помимо вопроса о поставках помощи Советскому Союзу, Великий альянс в этот ранний период также беспокоил вопрос второго фронта.

Сталин начал агитировать за открытие второго фронта на севере Франции в своем первом послании Черчиллю 18 июля 1941 г. Но англичане не были в состоянии взять на себя ответственность за масштабное вторжение и не хотели рисковать, отводя немецкие войска от советского фронта. Когда немецкое наступление потрясло Советский Союз в битве под Москвой осенью 1941 г., заинтересованность Сталина в открытии второго фронта ослабла, так как вырисовывалась перспектива контрнаступления Красной Армии, и отступления войск вермахта с территорий СССР. Но вопрос о втором фронте вернулся на повестку дня после провала Красной Армией зимнего наступления в начале 1942 г. В мае-июне 1942 г. Сталин послал Молотова в Лондон и Вашингтон, с целью надавить на принятие Великобританией и Америкой решения об открытии второго фронта во Франции в 1942 году. В Лондоне Молотов смог подписать англо-советский договор о союзе, но он получил только вялый ответ Черчилля, который связал возможность открытия второго фронта с наличием достаточного объема ресурсов. В Вашингтоне аргументы Молотова в пользу немедленного открытия второго фронта были встречены с большим одобрением. Американские военные согласились с Советами, что второй фронт во Франции был лучшим способом уменьшить нагрузку на Красную Армию. Но англичане стояли у руля англо-американского союза и позиция не изменилась до 1944 года, когда Соединенные Штаты снабжали большую часть

⁷⁶ см. Дж. Робертс, «Сферы влияния и советская внешняя политика 1939-1945. Идеология, расчет и импровизация», Новая и новейшая История, № 5, 2001.

союзных войск в Западной Европе, а также поставляли большую часть техники. Молотов был в состоянии обеспечить подписание совместного американо-британо-советского коммюнике о «неотложной задаче создания второго фронта в Европе в 1942 году», но было ясно, что в ближайшее время ничего не произойдет.

Важное значение для долгосрочного будущего Великого Альянса имели разговоры Молотова и Рузвельта о послевоенном мире и безопасности в Вашингтоне. Рузвельт выдвинул идею международной полицейской организации из трех или четырех государств, которая бы способствовала поддержанию мира после войны. Сталин откликнулся с энтузиазмом: «Соображения Рузвельта о защите мира после войны абсолютно благоразумные ... Рузвельт совершенно прав ... его позиция будет полностью поддержана Советским правительством». Это был не последний раз, когда между Сталиным и Рузвельтом возникнет подобное взаимопонимание.⁷⁷

Летом 1942 года немцы возобновили наступательные действия в России и начали южную кампанию по захвату Сталинграда и советских нефтяных месторождений в районе Баку. Вопрос открытия второго фронта на западе стал еще более актуальным. 23 июля Сталин писал Черчиллю, что «в связи с ситуацией на советско-германском фронте, я заявляю самым решительным образом, что советское правительство не может терпеть отложение открытия второго фронта в Европе до 1943 года».⁷⁸

Операция Браслет⁷⁹

В то время как немцы подошли к Сталинграду в середине августа 1942, Черчилль прибыл в Москву с плохими новостями: второго фронта во Франции в 1942 г. не будет.⁸⁰ Сталин не был доволен и обвинил англичан и американцев в неготовности бороться и проливать кровь своих войск. Сталина даже не успокоило известие об англо-американской десантной операции в Северной Африке осенью, целью которой было выведение немецких и итальянских войск и захват контроля над колониями французскими колониями Виши в Марокко и Алжире. Черчилль расценил эту операцию как удар в подбрюшье гитлеровской Оси в Средиземном море и нарисовал эскиз крокодила (британский премьер был художником-любителем), чтобы проиллюстрировать свою точку зрения. Насколько, однако, было известно Сталину, Красная Армия уже сражалась с тяжелой мордой крокодила. Одним из свидетелей обсуждения был Арчибальд Кларк Керр, по-

⁷⁷ Советские документы о поездке Молотова в Лондон и Вашингтон в 1942 могут быть найдены в книге под редакцией О.А. Ржешевского «Война и Дипломатия, 1941-1942», Москва, 1997.

⁷⁸ Переписка Сталина с Черчиллем, Эттли, Рузвельтом и Трумэнном, т. 1, стр.56.

⁷⁹ Кодовое название первого визита Черчилля в Москву.

⁸⁰ О поездке Черчилля в Москву: Дж. Робертс, «Иосиф Сталин: От Второй мировой до холодной войны», АСТ: Москва 2014, стр. 191-199).

сол Британии в Москве, который написал этот памятный портрет первой встречи между Сталиным и Черчиллем: «Было интересно наблюдать влияние двух мужчин. Столкновение, отступление и вновь столкновение, а затем медленное, но безошибочное воссоединение, так как каждый понимал другого, и в конце концов понимание и добрая воля брали свое... Теперь два человека знают друг друга и каждый из них будет иметь возможность придать истинную цену своему послы, который зачастую является тем самым разделяющим их шагом».⁸¹

Следующее заседание прошло не так хорошо и первая встреча Черчилля со Сталиным была близка к полной катастрофе. Она была спасена долгим закрытым ужином, в котором двое мужчин узнали друг друга лично. Разговор варьировался, и общий язык был найден с помощью нового выдающегося английского переводчика, майора А. Бирса. То, что они хотели найти друг в друге в ходе беседы, было товарищеским духом, связывающим поглощенных войной людей. Такой близости и товарищества Сталин и Черчилль никогда не ощущали в общении с Рузвельтом. Черчилль покинул встречу, будучи убежденным, что он установил личные отношения со Сталиным, а Молотов писал советскому послу в Лондоне, Ивану Майскому, что «переговоры с Черчиллем прошли не совсем гладко», но продолжились «последующей обширной беседой в частной резиденции товарища Сталина, давая возможность достичь близкое взаимопонимание с гостем».⁸²

Встреча Сталина с Черчиллем убедила его в важности прямых личных отношений с его британскими и американскими коллегами и пробудила в нем желание встретиться с Рузвельтом. Но он продолжал размышлять о втором фронте и, как только наступила кульминация битвы за Сталинград, он набросился на своих западных союзников. Третьего октября Сталин сделал сенсационное заявление в ходе интервью с американским корреспондентом в Москве, публично критикуя Великобританию и Соединенные Штаты за недостаток в помощи и отсутствие второго фронта.

Напряженность внутри Великого Альянса относительно второго фронта совпала с межсоюзническими спорами о судебных процессах и наказании военных заключенных. В октябре британская сторона предложила план, который предполагал послевоенное наказание военных преступников. Советы ответили, призывая к судебным разбирательствам во время войны, в том числе к преследованию Рудольфа Гесса, бывшего заместителя Гитлера, который находился в заключении британцев с 1941 г. после

⁸¹ Статьи, ссылающиеся на М.Н. Фолли, «В поисках товарищества в логове людоеда: квест Уинстона Черчилля в военном альянсе и его миссия Сталину, август 1942», http://www.brunel.ac.uk/_data/assets/pdf_file/0010/185923/ET62Folly2.pdf

⁸² «Новые документы о Уинстоне Черчилле в российских архивах», международные отношения, т. 47, No. 5, 2001, стр. 137.

его драматической поездки в Великобританию, по итогам которой он планировал заключить англо-немецкое перемирие. Эти факты легли в основу внеочередной телеграммы, направленной Сталиным Майскому 19 октября 1942 г.:

«Все мы в Москве сложили впечатление, что целью Черчилля является намеренное поражение СССР, с целью прийти к последующему соглашению с ... Гитлером ... за наш счет. Без такого предположения трудно объяснить поведение Черчилля по вопросу о втором фронте в Европе, по вопросу поставок оружия в СССР ... по вопросу Гесса, которого Черчилль, кажется, держит в резерве, по вопросу о систематических бомбардировках Берлина ... и все обещания, данные Черчиллем Москве, которые он не выполнил ни на йоту».

Майский пытался успокоить своего начальника, заявив, что в войне Черчилль ищет легкие пути, а не поражение СССР, но Сталин был непреклонен, считая, что «как сторонник легкой войны, Черчилль легко попадет под влияние тех, кто преследует поражение Советского Союза, поскольку поражение нашей страны и компромисс с Германией за счет Советского Союза – это самая легкая форма войны между Англией и Германией ... Черчилль сказал нам в Москве, что к весне 1943 около миллиона англо-американских войск откроют второй фронт в Европе. Но Черчилль принадлежит, кажется, к числу тех руководителей, которые легко дают обещания, чтобы забыть их или просто не выполнить».⁸³

Удивительным в переписке Сталина с Майским было то, насколько личными стали его отношения с Черчиллем. Ощущение предательства было весомым. Но инвективы Сталина против Черчилля были также объяснимы с политической точки зрения. На этом этапе войны остались опасения, что одна из сторон Великого Альянса может заключить сепаратный мир с Гитлером. На западе бытовал страх, что Сталин сократит свои потери и закончит войну с Германией. Сталин подсчитал, что второй фронт был необходим, чтобы вовлечь Великобританию и Соединенные Штаты в кровавую битву, в которой они не отступят до самого конца.

В средние годы Второй мировой войны было много слухов о секретных мирных переговорах между Германией и одним или несколькими членами Великого Альянса. Этим историям не находилось подтверждения, но озабоченность Черчилля, Рузвельта и Сталина не рассеивалась до начала 1943-го года. Существовали два важных поворотных момента. Во-первых, политика безоговорочной капитуляции, о которой Рузвельт объявил на конференции в Касабланке в январе 1943. Во-вторых, неделей ранее

⁸³ О переписке Сталина с Майским: О.А. Ржешевский, «Сталин и Черчилль», РАН: Москва, 2004, док. 156-158.

произошедшая капитуляция окруженных немецких войск в Сталинграде. Советская победа под Сталинградом дала понять, что Германия проиграет войну и что СССР станет доминирующей силой в континентальной Европе. Это сместило балансировку сил в Великом Альянсе. Черчилль и Рузвельт были озабочены больше, чем когда-либо, заводя со Сталиным разговор о форме послевоенного мира.⁸⁴

Гипотезы конвергенции

Был еще один ряд причин, по которым Черчилль и Рузвельт хотели лично сблизиться со Сталиным: их взгляды на него и на советскую систему в целом в результате войны изменились в лучшую сторону.

В личной беседе Черчилль и Рузвельт называли Сталина «Дядя Джо». Сталин, разведка которого всегда знала о том, что говорилось за закрытыми дверями западных союзников, был в курсе задолго до того, как Черчилль и Рузвельт поведали ему об этом на Тегеранской конференции. Это не было надменным, а скорее, выражало в какой-то степени нежность. Черчилль и Рузвельт считали, что со Сталиным не просто можно дела иметь, но ему можно и довериться. Он был мудрым и умным реалистом, и любые проблемы советско-западного альянса были результатом пагубного влияния придворных, таких как Молотов, во всяком случае, так они считали. (На самом деле, Сталин придерживался более жесткой линии, чем Молотов, по большинству вопросов). Сталина Черчилль и Рузвельт считали, скорее, патриотом, а не коммунистом. Иными словами, он был таким, как они. Эта версия культа личности Сталина – которая была довольно широко распространена в западных союзнических кругах – опирается на веру Черчилля и Рузвельта в Великий Альянс и его будущее.

Аналогичным образом сложилось мнение западных лидеров о том, что советская система «нормализуется» в ходе войны: государственный социализм поумеривается; общество становится более терпимым, особенно к вопросу религиозных верований – что важно для христиан Рузвельта и Черчилля; Россия была менее революционным и более националистическим государством, и, следовательно, более традиционным и предсказуемым в своих государственных целях.

Рузвельт принял этот доброкачественный взгляд на Россию более охотно, чем Черчилль, потому что, в отличие от премьер-министра Великобритании, он думал, что исторические антагонизмы в советско-западных отношениях были вызваны в одинаковой степени и западом, и Советами. Если бы Советский Союз был полностью интегрирован в сообщество наций, он бы стал нормальным государством и ускорил процесс своего сближе-

⁸⁴ Смотреть У. Кимбалл, «Сталинград: возможность выбора», журнал военной истории, т. 60, № 1, январь 1996 года.

ния с буржуазной капиталистической либеральной демократией. Рузвельт видел его личные отношения со Сталиным как ключ к осуществлению стратегии интеграции и полагал, что он обладал достаточным лукавством и очарованием, чтобы заманить Сталина на борт западной лодки и удержать его там.⁸⁵

У Сталина был свой вариант теории сближения: во время войны передовые капиталистические страны обрели более социалистический государственный строй; рабочее движение и левое крыло укрепились; прогрессивные капиталистические политики, высказывавшиеся в пользу сотрудничества с Советским Союзом, были теперь на высоте. Черчилль и Рузвельт олицетворяли эти тенденции и Сталин почувствовал, что может работать с ними в контексте общих интересов в мирное время, а не только во время войны. Это не значит, что Сталин отказался от своей политики или идеологии. Он по-прежнему стремился к распространению социализма в мире и полагал, что история на стороне советской системы. Но он изменил свои взгляды на развитие мирового революционного процесса. Он бы шел по нарастающей и развивался в разных ключах, обеспечивая длительный период мирного сосуществования между различными социальными системами. Борьба за коммунизм будет продолжаться, но не обязательно в форме враждебной Великому Альянсу. По крайней мере, в краткосрочной перспективе. Сталин неоднократно заострял на этом внимание во время войны, публично и в частном порядке: общие интересы и стремления Великого Альянса являются основополагающими и постоянными. Британия, Советский Союз и Соединенные Штаты были едины в своей решимости победить, а затем обуздать Германию и Японию. Три государства имели общую заинтересованность в процветании послевоенного мира. Опыт Великого Альянса показал, что для социализма и капитализма было возможно работать вместе для общего блага.⁸⁶

Сталин дал понять о своих добрых намерениях, когда произошел роспуск Коминтерна в мае 1943 года. Деятельность коммунистических партий больше не будет диктоваться из Москвы. Отныне каждая сторона будет искать свой собственный национальный путь к социализму. Советское влияние будет осуществляться неформально. Особенно Сталиным, который будет использовать свое влияние для согласования коммунистических политических интересов с поддержанием послевоенного мира Великим Альянсом. Такая стратегия не будет безоблачной – опасность расхождения советских и коммунистических целей была очевидна – но Советы стал-

⁸⁵ Об отношении Черчилля и Рузвельта к Сталину и советской системе см. Д. Рейнольдс, «Черчилль, Рузвельт и Энигма Сталина, 1941-1945» в его «От мировой к холодной войне», Oxford University Press, Оксфорд 2006 и Фолли «Черчилль, Уайтхолл и Советский Союз», глава 3.

⁸⁶ Об отношении Сталина к Черчиллю, Рузвельту и Великому Альянсу: Робертс, «Войны Сталина», гл. 6, 8.

кивались с такой напряженностью и противоречиями еще с 1920-х годов, когда дипломаты Москвы и Коминтерна наперебой рвались оказать влияние на Сталина и Политбюро.

Москва и Тегеран

Как только произошло упразднение Коминтерна, Джозеф Дэвис, бывший американский посол в Советском Союзе, прибыл в Москву с особой миссией от Рузвельта. Его целью было убедить Сталина согласиться на встречу с президентом США. Рузвельт был убежден, что если бы он мог встретиться со Сталиным лично, то проблемы Великого Альянса можно было бы решить полюбовно. Сталин в принципе согласился на встречу с Рузвельтом, но точная дата не была согласована из-за насущных военных вопросов. В конце концов было решено, что Сталин и Рузвельт встретятся вместе с Черчиллем на конференции в Тегеране.

Политический путь к тегеранской конференции проложило англо-советско-американское совещание министров иностранных дел в Москве в октябре 1943 года. Московская конференция ознаменовала переход Великого Альянса от военной коалиции до организации, решающей вопросы послевоенного мира. Соглашения, достигнутые в Москве, включали обязательства по созданию новой организации международной безопасности, которая заменила бы Лигу Наций после войны. Через год были проведены детальные переговоры в Думбартон-Оксе по вопросам создания новой организации, которой было суждено провести свою учредительную конференцию в Сан-Франциско в 1945 году и назвать себя «Организация Объединенных Наций».⁸⁷

Из-за подробно проделанной работы на конференции в Москве, не было никакой потребности в фиксированной повестки дня в Тегеране. Вместо этого имела место неофициальная, открытая беседа, в ходе которой три лидера лучше узнали друг друга и установили модель и динамику трехсторонних отношений.

Первая встреча Сталина в Тегеране была с Рузвельтом. Они обсудили ряд вопросов – военное положение, послевоенную торговлю, Францию, Китай – и нашли много точек соприкосновения. Взаимопонимание между двумя лидерами продолжило расти в ходе пленарного заседания, на котором они надавили на Черчилля, обязуя премьер-министра взять на себя определенные обязательства и обозначить конкретную дату вторжения во

⁸⁷ Советские документы на московской конференции опубликованы в «Московская Конференция Министров Иностранных Дел», Политиздат: 1984. Для анализа, основанного на материалах западных архивов: Сэйнсбэри, «Переломный момент», Oxford University Press, Оксфорд 1986 г. О роли Молотова: Д. Уотсон, «Молотов и Московская конференция, октябрь 1943», Communisme, No.74 / 75, 2003.

Францию. Черчилль сначала сопротивлялся, но затем пообещал, что второй фронт будет открыт в мае 1944 года. В ответ Сталин согласился атаковать Японию, после победы над Германией.

После соглашения об открытии второго фронта, переговоры между Черчиллем и Сталиным приняли гораздо более дружелюбный характер. Черчилль согласился со Сталиным в том, что Советский Союз должен иметь тепловодные порты и свободный доступ в Средиземное море и Тихий океан. С Рузвельтом Сталин вел весьма положительную беседу об идее создания международной полицейской организации для контроля над послевоенным миром. Среди трех лидеров был достигнут консенсус по вопросу послевоенного раздела территории Германии. По окончании конференции Большая тройка выступила с заявлением, в котором говорилось, что встреча начиналась в духе «надежды и решимости», а закончилась «настоящей дружбой в плане духа и общей цели».⁸⁸

Самым важным решением, принятым в Тегеране, было определение даты открытия второго фронта. После конференции наблюдалось значительное увеличение советско-западного сотрудничества в военной сфере. Отношение Сталина к вкладу своих западных союзников и к совместным военным усилиям стало значительно теплее. В его повестке дня 1 мая 1944 г. он отметил «значительный вклад» наших «великих союзников..., которые открыли фронт против немцев в Италии и отводят значительную часть немецких войск от нас, поставляют нам очень ценное сырьё и вооружение, а также при условии систематической бомбардировки военных объектов Германии, тем самым подрывают её военную мощь». В день открытия второго фронта 6 июня 1944 г., Сталин направил Черчиллю и Рузвельту свои поздравления в честь высадки союзных войск в Нормандии и несколько дней спустя публично провозгласил «блестящий успех» своих западных союзников, заявив, что «История войн не знает другого подобного шага, гигантского по ширине и замыслу, и столь блестящего по манере исполнения».

Как было решено в ходе встречи в Тегеране, Советы приурочили летнее наступление ко дню открытия второго фронта. Операция Багратион – кампания по освобождению Белоруссии – была начата 23 июня. Она имела ошеломляющий успех, и к концу июля Красная Армия вступила на территорию Польши и подошла к Варшаве. Предвидя, что Варшава вскоре падет под ударами Красной Армии, националистическая армия Польши

⁸⁸ О беседах Сталина с Черчиллем и Рузвельтом в Тегеране, см. Дж. Робертс, «Сталин на Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях», журнал исследований холодной войны, том 9, № 4, осень 2007; Тегеран-43 / О.А. Ржешевский // Новая и новейшая история. – 2013. – № 6.

устроила восстание в городе. К сожалению, наступление Красной Армии было остановлено немцами на восточном берегу Вислы. После этого восстание продолжалось в течение двух месяцев, но было жестоко подавлено немцами. Во время битвы погибло 200000 жителей Варшавы. Город была стерт с лица земли немцами, а оставшиеся жители были изгнаны.

Варшавское восстание привело к обострению отношений между Сталиным, с одной стороны, и Черчиллем и Рузвельтом, с другой. Два западных лидера хотели помочь поддержать восстание сбрасыванием вооружения с воздуха. С точки зрения Сталина, поставки в конечном итоге оказались бы в руках немцев. Он также политически враждебно отнесся к восстанию, так как, с его точки зрения, оно несло одновременно антикоммунистический и антинацистский характер. В конце концов, Сталин смягчился и Советы способствовали пролету британских и американских ВВС над территорией Варшавы, а также сами стали осуществлять поставки повстанцам. Но было слишком поздно, и польские обвинения в том, что Сталин намеренно остановил Красную Армию на Висле, получили большую поддержку на западе.

Варшавское восстание часто рассматривается в качестве важного отрицательного поворотного момента в истории Великого Альянса, как первое сражение холодной войны, на кону которого стояло послевоенное политическое будущее Польши. Тем не менее на верховном уровне альянса его последствия носили временный характер. После восстания дела большой тройки вошли в прежнее русло.

Процентное соглашение

В октябре 1944 года Черчилль прибыл в Москву во второй раз. В день приезда, девятого числа, он отправился прямо в Кремль на ужин со Сталиным. Прежде, чем они приступили к делу, Черчилль поднес Сталину свой портрет.

Знаменитое заключение Черчилля по этой встрече было опубликовано в последнем томе его воспоминаний о Второй мировой войне в 1954 году:

«Момент был подходящим для обсуждения дел, так что я сказал [Сталину], «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши войска находятся в Румынии и Болгарии. У нас там есть интересы, миссии и агенты. Как вам такой расклад: 90% преобладания позиций СССР в Румынии, 90% преобладания позиций Великобритании в Греции, и поровну в Югославии?» Пока слова переводили, я набросал на половине листочка бумаги:

Румыния, %
Россия – 90
Остальные – 10

Греция:
Великобритания – 90 (по согласию с США)
Россия – 10

Югославия: 50-50

Венгрия: 50-50

Болгария:
Россия – 75
Остальные – 25

Я передал это Сталину, который к тому времени выслушал перевод. Была выдержана небольшая пауза. Тогда он взял синий карандаш, поставил на бумажке большую галочку и передал её обратно к нам. Все было решено в одночасье... После этого последовало долгое молчание. Испитый карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец, я сказал: «Не покажется ли циничным то, что мы избавились от обсуждения вопросов столь судьбоносных для миллионов людей в такой пренебрежительной манере? Давайте сожжем бумагу». – «Нет, оставьте ее себе», – сказал Сталин».⁸⁹

Хотя Черчилль подчеркнул драматизм момента, британский посол в своем отчете уловил комичность момента. Черчилль «создал то, что он назвал «сомнительным документом», демонстрирующим список балканских стран и доли интереса в них великих держав. Он сказал, что американцы были бы шокированы, если бы увидели, как грубо он выразился. Маршал Сталин был реалистом. Он сам не был сентиментален, в то время как г-н Иден оказался нехорошим человеком. Он не посоветовался ни со своим кабинетом, ни с парламентом».⁹⁰

Более торжественным был Советский доклад, в котором говорилось, что Черчилль «подготовил таблицу. Мысль, которая была выражена в этой таблице, может быть лучше сформулирована на дипломатическом языке, потому что, например, американцы, включая президента, будут шокированы разделением Европы на сферы влияния». Позже в разговоре Черчилль вернулся к этому вопросу, заявив, что он «подготовил довольно грязный и грубый документ, который показал разделение сфер влияния Советско-

⁸⁹ У. Черчилль, «Вторая мировая война», том. 6, Кассель: Лондон 1954, стр. 194-195; А.А. Калинин. «советско-британские переговоры о разделе сфер влияния в Европе в 1944 году». Вопросы истории №9 2009 г.

⁹⁰ Дж. Росс (под ред.), «Министерство иностранных дел и Кремль: Британские Документы по англо-советским отношениям, 1941-1945», Cambridge University Press: Cambridge 1984, док. 30.

го Союза и Великобритании в Румынии, Греции, Югославии и Болгарии». В ответ Сталин сказал, что «предусмотренные для Англии 25% Болгарии не гармонируют с другими фигурами в таблице». Он посчитал, что было бы необходимо ввести поправку, предусматривающую 90 процентов Болгарии для Советского Союза и 10 процентов для Англии. «Разговор затем сошел на «нет», как это часто бывает в разговоре с Черчиллем. Однако Сталин позже повторил, что цифры для Болгарии следует изменить.⁹¹ Когда Молотов и Иден обсуждали этот вопрос, процент влияния в Болгарии и Венгрии доводили до 80/20 в пользу Советов.

В то время было много споров среди историков о значении так называемой процентной сделки, в практическом плане оно сводилось к чуть большему, чем соглашение о невмешательстве Советского Союза в дела Великобритании на территории Греции. Поскольку Советский Союз давно признал, что Греция была в британской сфере влияния, это не было большой уступкой со стороны Сталина. Болгария, Венгрия и Румыния будут заняты Красной Армией и власть Советов будет распространена на этой территории независимо от бумаги Черчилля. Прецедент с контролем оккупационного режима страны был создан еще самими англичанами и американцами, когда они вторглись в Италию в 1943 году. Что касается Югославии, ее судьбу будут контролировать Тито и его сторонники.

Но близость в разговоре Черчилля и Сталина о таких судьбоносных вопросах, свидетельствовала об углублении их личных отношений. Легкость в общении между двумя мужчинами была видна и в их последующих соversations. Черчилль прибыл в Москву не с целью поделить Восточную Европу со Сталиным, но чтобы достигнуть соглашения между Советами и польским правительством в изгнании в Лондоне. Отношения между Сталиным и лондонскими поляками были подорваны в связи с обнаружением немцами в Катыни в 1943 году массовых захоронений тысяч польских офицеров, расстрелянных в 1940 году НКВД. Сталин отрицал вину, а также настаивал на том, что Западная Белоруссия и Западная Украина будут оставаться частью Советского Союза. В свою очередь полякам предложили в знак компенсации территорию Германии на западе. Черчилль поддержал это решение, и когда он и Сталин встретились 13 октября с Миколайчиком, польским премьер-министром в изгнании, оба пытались убедить его принять предложение. Миколайчик был готов заключить сделку, но только если он вновь мог вносить оговорки о приграничном вопросе, таким образом, оставляя этот вопрос открытым для возобновления переговоров по нему на мирной конференции. Черчилль пытался убедить Сталина в преимуществах такой сделки, утверждая, что если в советско-

⁹¹ Советская запись разговора о процентах: Ржешевский, «Сталин и Черчилль», док. 161.

польский спор вмешаются американцы, это окажет разрушительное воздействие на Великий Альянс. В той же беседе Черчилль отметил, что до тех пор, пока в 1943 г. не был упразднен Коминтерн, малые страны Европы опасались советизации. Он сам напомнил, что в 1919-1920 годах весь мир дрожал в страхе мировой революции. Сталин ответил, что «мир больше не должен трепетать от страха. Советский Союз не имел намерения организации большевистской революции в Европе».⁹²

В ходе своих встреч Черчилль и Сталин также обсуждали будущее Германии, пересмотр Конвенции Монтре о контроле Турцией черноморских проливов, и участие СССР в войне против Японии. По итогам бесед Сталина и Черчилля не последовало никаких конкретных результатов, но атмосфера была доброжелательной повсюду и не было никаких опасений, имевших место в ходе предыдущей двусторонней встречи в 1942 году и в Тегеране в 1943 году. Сталин был в хорошем настроении. Он отобедал в британском посольстве, а затем сопроводил Черчилля на балет в Большом театре. Когда Черчилль уезжал 19 октября, Сталин подарил ему декоративную вазу, украшенную изображением под названием «идти с луком против медведя».

Рузвельт чувствовал себя забытым в стороне, и он попросил Сталина, чтобы Гарриман был допущен к наблюдению разбирательства, однако посол не присутствовал на всех заседаниях и, очевидно, отсутствовал при обсуждении «процентной сделки». Рузвельт заявил Сталину, что «в этой глобальной войне нет буквально ни одного вопроса, военного или политического, в котором Соединенные Штаты не были бы заинтересованы. Я твердо убежден, что мы троим, и только мы троим, можем найти решение нерешенным вопросам. В этом смысле, высоко оценивая стремление г-на Черчилля встретиться с Вами, я предпочитаю рассматривать ваши предстоящие переговоры с премьер-министром в качестве предварительном заседании нас троих». Сталин знал, откуда исходила власть западной половины Великого Альянса, и он написал в ответ, что предполагал, будто Черчилль посещал Москву с соглашением Рузвельта.⁹³ Но, казалось, что Сталина немного раздражает вмешательство Рузвельта в его отношения с Черчиллем, и рассказал премьер-министру Великобритании, что президент требовал слишком много прав для себя и оставлял их слишком мало Британии и Советскому Союзу, которые были в конце концов связаны друг с другом формальным договором о союзе, в то время как СССР и США не были. Черчилль разрядил ситуацию, сведя все к шутке, сказав, что они будут обсуждать переговоры в Думбартон-Оксе, но не расскажут об этом Рузвельту!

⁹² Там же, док. 166.

⁹³ Переписка Сталина, том 2, стр. 162-163.

Ялта

Именно Рузвельт настаивал на второй встрече Большой тройки. В конце концов на сроки повлияли выборы и инаугурация Рузвельта на пост президента в четвертый раз в январе 1945 г. Место ее проведения – Ялта – была выбрана Сталиным. Сталин не любил летать и не наслаждался поездкой в Тегеран, в которой путь частично пришлось преодолевать самолетом. Встреча в Крыму предполагала, что он мог приехать на конференцию на поезде.

Как и в Тегеране, Ялтинская встреча Большой тройки прошла на подъеме. Сталин был доминирующей фигурой на конференции. Причины этого были отчасти связаны с властью. Великобритания и Соединенные Штаты вторглись в Германию с запада, но основная тяжесть боевых действий по-прежнему приходилась на Красную Армию, которая уже подступала к Берлину. К этому времени Красная Армия победила или освободила большую часть Центральной и Восточной Европы. Сталину не хватало духа, чтобы диктовать условия мира, но он был в состоянии определить и защитить советские интересы. Сталин господствовал на заседаниях также по личным причинам. Рузвельт был болен – он умер спустя два месяца – а младшая роль, которую Британия сейчас исполняла в Великом Альянсе, подорвала уверенность и активность Черчилля. Ощущение господства Сталина на Ялтинской конференции отражено в письме сэра Александра Кадогана, главы британской дипломатии, жене:

«Я никогда не думал, что русские столь любезны. В частности Джо показал себя с очень хорошей стороны. Он действительно великий человек, и очень впечатляюще выглядел на фоне двух других стареющих глав государств... В первый день, он в течение первых полутора часов разговора сидел, не говоря ни слова – хотя для этого не было причины! Президент и премьер-министр шумели, но Джо просто сидел, принимая все это, и будучи довольно смущенным. Когда он вливался в беседу, он никогда не использовал лишнего слова, и всегда говорил в точку. У него, очевидно, очень хорошее чувство юмора – и достаточно пылкий нрав».⁹⁴

Приоритетом Сталина в Ялте была договоренность о будущем Германии, в том числе о возмещении ущерба и разделе территорий. Несмотря на колебания англо-американской стороны по вопросу репараций, было решено, что СССР будет получать компенсацию от Германии за военный ущерб в количестве \$10 млрд – это была предварительная договоренность. Однако в вопросе раздела территорий Сталин оставил участников конференции разочарованными. Предыдущие комментарии Черчилля и Рузвельта указыва-

⁹⁴ Процитировано Рейнольдс, «От Второй мировой до холодной войны», стр. 240-241. Переписка Сталина, стр.17-18.

ли на то, что они поддерживают разделение Германии после войны. В Ялте Сталин потребовал определенного обязательства по разделу немецких территорий, но Черчилль и Рузвельт согласились только на создание комиссии для обсуждения вопроса. Из этого Сталин сделал вывод, что раздел территорий вряд ли воплотится в явь. После Ялтинской конференции он отказался от политики разделения Германии и стал активным сторонником германского единства.

Рузвельт стремился завершить обсуждение вопроса о создании преемника Лиги Наций. Большинство вопросов о роли и структуре предлагаемой организации Объединенных Наций были рассмотрены на конференции в Думбартон-Оксе. Там остался, однако, нерешенным вопрос о праве вето для постоянных членов Совета Безопасности - процедура голосования, по настоянию Сталина, была необходима для поддержания великого единства власти в рамках новой организации. Целью, как сказал Сталин Черчиллю и Рузвельту, должно стать создание организованных рамок основы мира продолжительностью 50 лет. Англичане и американцы остались недовольны тем, что великая держава может заблокировать обсуждение или независимое урегулирование споров, в которые они сами могли быть вовлечены, но они приняли советскую позицию на вето и этот принцип был вписан в приглашения на участие в учредительной конференции ООН в Сан-Франциско в апреле-июне 1945 года.

Главной заботой Черчилля был длительный спор об управлении Польшей после освобождения. К февралю 1945 вся территория Польши была оккупирована Красной Армией, и, как раз перед Ялтинской конференцией, Советы установили временное правительство, образованное прокоммунистическим Польским комитетом национального освобождения (ПКНО). В Ялте Черчилль и Рузвельт пытались убедить Сталина сформировать более представительное правительство в Польше, то, которое будет включать в себя прозападных политиков от польского правительства в изгнании в Лондоне. В Ялте был достигнутый компромисс, что правительство ПКНО будет реорганизовано и расширено «включением демократических деятелей из самой Польши и от поляков за рубежом». В обмен на эту уступку англичане и американцы согласились признать «линию Керзона» в качестве советско-польской границы. Это означало, что территориальные приобретения Москвы под эгидой советско-германского пакта 1939-1941 гг. в лице Западной Белоруссии и Западной Украины, теперь официально признаны западными державами. Было также решено компенсировать Польше территориальные потери на востоке, изменив границу с Германией, хотя детали проведения новой демаркационной линии оставили открытыми на данном этапе.

Из других решений, принятых в Ялте на тот момент, наиболее важным было конфиденциальное соглашение об условиях Советского участия в войне против Японии. Сталин согласился отменить советско-японский пакт о нейтралитете (1941 г.) и начать военные действия на Дальнем Вос-

токе спустя два или три месяца после разгрома Германии. В свою очередь, Черчилль и Рузвельт согласились на территориальные уступки Китая и возврат СССР территорий, которые были утрачены в результате русско-японской войны (1904-1905).

С точки зрения общего взгляда большой тройки на устройство послевоенного мира, самым важным документом, подписанным в ходе Ялтинской конференции, была Декларация об Освобожденной Европе. Эта американская инициатива подтолкнула три государства на создание послевоенного устройства Европы, в основе которого находились бы представительные органы и свободные выборы. Проект в общем был нацелен на установление международного порядка, который гарантировал бы мир, безопасность и свободу для всех.

У каждого из трех лидеров были свои понятия свободы и демократии. Понятия Рузвельта были связаны со свободным рынком, в то время как Черчилль был против свободы, грозившей сломить Британскую империю. Сталин был против демократии, которая бы привела к власти профашистские или антисоветские правительства. Вне всякого сомнения, роль Великого Альянса в возвращении к мирному времени была колоссальна. Черчилль позже попытался дистанцироваться от Ялты, представляя себя в качестве предвестника холодной войны, но данные указывают на то, что он являлся активным сторонником конференции и того, что было вынесено на повестку дня. После смерти Рузвельта осуждали за наивную веру в Сталина. Существовал миф, что Рузвельт пошел навстречу Сталину в Ялте и тем самым предал Восточную Европу, якобы отдав ее после войны на растерзание коммунистического господства. Однако Сталин был таким же миротворцем, как Черчилль и Рузвельт. Компромиссы и обозначение жизненных интересов урезали план действий в обоих направлениях. Рузвельт не уступал Восточную Европу Сталину, Сталин уже держал ее под контролем. Вопрос в том, как бы он контролировал эту буферную зону на западных границах Советского Союза. Ялта допускала ситуацию, в которой советский контроль был геополитически безопасным и открытым для идеологической и политической конкуренции, пока в этом нет угрозы безопасности СССР. Эту идею не удалось осуществить не потому, что конференция и сотрудничество большой тройки были неполноценными, а потому, что два года спустя вспыхнула холодная война.⁹⁵

Причиной многому послужили трудности, возникшие после Ялтинской конференции. Скептики указывают, в частности, на ожесточенные межсоюзнические споры о толковании решения о реконструкции временного правительства Польши. С точки зрения Москвы, было согласовано, что правительство ПКНО будет расширено. Британская и американская сторо-

⁹⁵ Последние западные труды по Ялте включают: С. Плохи, «Ялта: цена мира», Viking Books: Нью-Йорк 2010; Ф. Харбутт, «Ялта 1945: Европа и Америка на распутье», Cambridge University Press: New York 2010.

ны посчитали, что в Польше будет сформировано полностью новое правительство. Именно это расхождение во мнениях привело к жесткой беседе Молотова и Трумэна в апреле 1945 года. Но переговоры вышли из тупика, когда Трумэн сделал то, что сделал бы Рузвельт: он послал Гарри Хопкинса в Москву, чтобы переговорить со Сталиным. В результате переговоров Хопкинса со Сталиным в конце мая была достигнута договоренность, по которой правительство ПКНО должно было расшириться за счет включения в него таких прозападных политиков, как Миколайчик, ставший в последствии вице-премьером.

Сталин был очень расстроен, узнав о смерти Рузвельта. Как сообщал Гарриман: «Когда я вошел в кабинет маршала Сталина, я заметил, что он, очевидно, глубоко огорчен известием о смерти президента Рузвельта. Он приветствовал меня молча и стоял, держа меня за руку в течение примерно 30 секунд, прежде чем предложить мне сесть». «Президент Рузвельт умер, но дело его должно жить», – Сталин сказал Гарриману – «Мы будем поддерживать президента Трумэна всеми нашими силами и всей нашей волей».⁹⁶ В ответ Гарриман предложил Сталину отправить Молотова в США, чтобы встретить Трумэна и принять участие в учредительной конференции Организации Объединенных Наций – которая, конечно, была любимым проектом Рузвельта. Сталин охотно согласился, и его, должно быть, успокоили отчеты советского посольства в Вашингтоне, в которых говорилось, что Трумэн был преемником дел Рузвельта и сторонником сотрудничества с СССР. Не последовало никаких доказательств о том, что жесткие переговоры Трумэна с Молотовым негативно повлияли на отношение Сталина к Великому Альянсу; позиция Запада по польскому вопросу была в конце концов хорошо известна. Появление Хопкинса в Москве должно было особенно обнадежить Сталина, и он подошел к встрече в Потсдаме с позитивной точки зрения.

Когда Сталин встретился с Черчиллем и Трумэном на Потсдамской конференции в июле 1945 года, дух Ялты был еще очень жив и витал в воздухе. Отношения между СССР и западными лидерами уже не были столь близкими, как у прежней большой тройки, но общение прошло в приподнятом духе. В политическом отношении конференция прошла столь же успешно, как Тегеранская и Ялтинская. На закрытии конференции Сталин, Трумэн и Эттли объявили, что они «упрочнили связи ... и расширили сферу их сотрудничества и понимания» и вновь заявили о своей уверенности в своей способности установить «справедливый и прочный мир». В конце Второй мировой войны перспективы Великого Альянса были радужны как никогда. Неспособность выполнить обещания – это о холодной войне. Но, это уже совсем другая история.

⁹⁶ Документы Аревелла Гарриманна, Библиотека Конгресса, отдел рукописей, контейнер 178, хронология файла 10-13/4/45.

Заключение

Опыт Великого Альянса показал, что руководство имеет значение и что хорошие личные отношения играют важную роль в успешном и устойчивом сотрудничестве. Образовав альянс в 1941 году, Черчилль, Рузвельт и Сталин не знали, как долго он будет длиться или в каких направлениях он станет развиваться. Личный контакт между тремя лидерами – на заседаниях, в переписке и через посредников – убедил их, что они могли работать вместе и доверять друг другу. Порой, доверие и дружба претерпевали непростые времена, но трудности были преодолены, а разногласия устранены путем компромисса, что свидетельствовало о чести и уважении жизненных интересов. Великий Альянс и его развитие во время войны невозможно представить без личной связи между Сталиным, Черчиллем и Рузвельтом. Именно отсутствие глубоких личных связей отличало взаимоотношение лидеров Великого Альянса после войны. Это отсутствие не объясняет истоки холодной войны, но, безусловно, проливает на них новый свет.